

Ю. Г. КУРИЛОВ

ОТ «ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ» К «ВЕЧНОЙ ЮНОСТИ»:
СИМВОЛИСТСКИЙ ПУТЬ МАСТЕРА
(НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА С. ГЕОРГЕ «СЕДЬМОЕ КОЛЬЦО»)

Стефан Георге – видный представитель немецкого символизма, импрессионизма, эстетизма и неоромантизма. Выдающийся писатель понимал творчество подобно своему учителю Малларме: поэзия – сакральное действие, совершаемое в сфере «искусства для искусства». Правда, со временем Георге, не отказываясь от священного статуса написанного слова, пересматривает свою позицию и начинает писать в русле «искусства для жизни».

В ранней поэзии немецкий символист создает вариацию известного мифа о «Вечной Женственности». В цикле «Год души» (1897 г.) формируется символистская парадигма, в центре которой находится символ «Незнакомка». Толчком к написанию цикла стала платоническая любовь к Иде Кобленц, которая не отвечала поэту взаимностью. Печаль Георге преломилась в творчестве, и история душевных мук сублимировалась. Символ «Незнакомка» стал объектом и средством духовных исканий поэта. Она – это «Вечная Идея» (как у С. Малларме) и «Неизвестное» (как у А. Рембо). Незнакомка С. Георге – «родная сестра» Прекрасной Дамы А. Блока. А они, в свою очередь, восходят к Небесной Царице (Вечной Подруге) лирики В. Соловьева, а его образ – к Царице-Шехине в мистике Каббалы и Вечной Женственности Гёте. Шехина в переводе с иврита – «Пребывание», «Присутствие», т. е. Пребывание (Бога) в мире, его «женская ипостась». У всех образов есть одно общее: они выражают Душу мира и Мировую Поэзию и намекают на трансцендентное.

Символ «Незнакомка» был представлен и в седьмом цикле Георге «Седьмое кольцо» (1904 г.), где он, правда, уже не был центром поэтического пространства. Как и в раннем цикле, поэт не называет свою героиню по имени: *erfüllt von dir* [4, с. 70] – *наполненный тобою*; *du erscheinst* [4, с. 70] – *ты появляешься*. Также Незнакомка неразрывно связана с символами «песня» (*So ward dein sanfter sang der sang des jahres* [4, с. 89]. – *Твоя нежная песня была пением года*) и «вода» (*zum teiche* [4, с. 79] – *к пруду*; стихотворение «Wellen» («Волны»)). Как и в цикле «Год души», символ является указанием на трансцендентную сферу, где мечтают встретиться лирический герой и Незнакомка: *Mich hoben die träume und mären // so hoch dass die schwere mir wich* [4, с. 66]. – *Сны и мечтания поднимают меня // так высоко, что я забываю о своей тяжести*.

Поэтический мир микроцикла «Приливы и отливы» полон неизбывной меланхолии: *eine trübe melodei* [4, с. 73] – печальная мелодия; *mit falbem licht* [4, с. 74] – блеклым светом. Эта черта также роднит исследуемые стихотворения с миром ранней лирики Георге, но важное отличие заключается в том, что сейчас поэт не только констатирует свое депрессивное состояние, но и говорит об иллюзорном характере подобного мироощущения и, возможно, об исчерпанности темы «Вечной Женственности». Немецкий символист сравнивает свою Незнакомку с солнцем декаданса: *die sonne hinter der entseelten fläche* [4, с. 76] – солнце за мертвой поверхностью. Георге не отрицает свою раннюю поэзию, а утверждает новые приоритеты творчества, в котором нет места ранним темам и мотивам: *als schatten wirkend da das wesen wich* [4, с. 87] – как тени эти образы, утратившие суть.

Центральным символом «Седьмого кольца» становится Максимин, воплощающий собой синтез божественного и человеческого, преходящего и вневременного, мироздания и души человека. Прототипом символа стал один из многочисленных членов «Круга Стефана Георге» четырнадцатилетний Максимилиан Кронбергер. Этот юноша не выделялся экстраординарными способностями и служил для поэта примером абсолютной верности и самоотверженного служения. Смерть Максимиана в 1904 г. позволяет Георге перенести фигуру своего «послушника» из действительности в мифологическое измерение. Тем самым он превратил реальный образ в символ и создал миф о «Вечной Поэзии» или «Вечной Юности».

В немецкой литературе сложно, если вообще возможно, найти подобную сюжетную линию, уходящую своими корнями в античность. Правда, параллели можно найти в литературах Италии и Англии. Речь идет о тех произведениях, в которых уход из жизни дорогого и недоступного объекта любви накладывал отпечаток на творчество поэта, пытающегося в образе ушедшего человека воплотить свой абстрактный идеал. На этом фоне явно выделяется Беатриче Данте. Э. Морвитц видит параллели с Максиминим в сонетах Шекспира, в которых упоминается образ юного друга [8, с. 268]. Дж. Мильтон посвятил свою элегию «*Epitaphium Damonis*» смерти своего школьного друга. Это произведение выделяется глубиной и интенсивностью переживания, вызванного преждевременным уходом Чарльза Диодати. Еще ближе к микроциклу Георге цикл А. Теннисона «*In Memoriam A.H.H.*».

Уже в начале микроцикла Георге говорит о Максимине как о божественной сущности, которая становится условием преображения мира: *Ich seh in dir den Gott* [4, с. 96]. – Я вижу в тебе Бога; *Die starre erde pocht // Neu durch ein heilig herz* [4, с. 98]. – Неподвижная земля по-новому пульсирует благодаря священному сердцу. По этой причине происходит обожествление каждого явления, отсылающего к сфере трансцендентного: *Hat schon des schöpfers hauch // Jed ding im raum beseelt* [4, с. 98]. – Уже дыха-

ние творца одухотворило каждую вещь в пространстве. Образ Максимиана здесь немислим вне философии космистов. Представление о покинутой земле, которую может спасти чудо, рождение ребенка солнца, выступающего в своем паракристианском одеянии в роли преемника Диониса и Аполлона, темы восточных культов и даже символизм смерти соприкасаются с творческой парадигмой Вольфскеля, Клагеса и Шулера.

Постепенно Максимиан разрывает оковы «личного бога» и превращается в символ для нового союза и обновления. Поэт недвусмысленно заявил, что речь идет «не о боге, а о божестве» [5, с. 74]. Георге описывает поэтическое пространство религиозным языком, который уже говорит нам не о трансцендентном, а о душе лирика и его сакральной мечте. Поэт создает свою вселенную, где мотивы откровения уступают место нормам морали, сопровождающим построение нового общества: *Andren bund du mit mir schliessest*» [4, с. 118]. – *Иной союз, который ты со мной заключаешь*. Отсылки к ритуальным действиям перемещаются из сферы откровений религиозного плана в область важного эстетического конструкта. Современный исследователь творчества Георге В. Браунгарт говорит в этом контексте об «эстетическом католицизме без католической догматики» [3, с. 183].

Своеобразие микроцикла «Максимиан» также обусловлено ориентацией на мир Древней Греции. Исследователь Ф. фон Лейен подчеркивает: «Вечная красота у Георге, как и у великих немецких поэтов восемнадцатого века, воплотилась в мире Эллады» [7, с. 205]. Образ божественного ребенка, выражающего волю к созиданию, уходит своими корнями в античность. Греки видели в смерти юного существа высшую благодать. Поэтому эта мысль получила у них развитие в многочисленных интерпретациях. Пожалуй, самой известной является миф о Клеобисе и Битоне.

Образ богоравного юноши и эстетический союз «Круг Стефана Георге» неразрывно связаны с творчеством Платона. В цикле «Седьмое кольцо» личность Максимилиана постепенно абстрагируется от земного наполнения и превращается в абстрактную категорию Прекрасного. Вначале лирический герой довольствуется лицемерием действительности, которая обезображивается без Максимиана: *Kein vogel singt... nur frostiger winde lachen // Und dann der schall der äxte* [4, с. 103]. – *Птицы не поют... только хохот ледяных ветров // И скрежет топоров*. Далее мы отмечаем отчетливый переход из области конкретного в сферу абстрактного: *Zerspaltne feuer all verschmolzen // Im streben nach vergöttlichung* [4, с. 113]. – *Пожигающий огонь все плавит // в порыве к обожествлению*. В этом переходе ключевую роль играет платоновское понятие Эрота, называемого Ф. Гундольфом «миросозидающей любовью» [6, с. 75]. Исследователь «Круга Стефана Георге» М. Маяцкий видит в платоновской категории «силу, через которую действует и проявляет себя двуединство человека и бога» [1,

с. 65]. Подобное движение от единичного к всеобщему, от телесного к абстрактному соответствует градации Прекрасного, описанной в диалогах «Пир» и «Федр». В результате «Прекрасное это предстанет не в виде какого-то лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, Земля, небо или еще что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное» [2, с. 399].

Как мы видим, в поэтическом цикле «Седьмое кольцо» формируется миф о «Мастере и его учениках», о «Вечной Поэзии» или «Вечной Юности». Как и в ранней лирике, поэтическая мысль находит опору в образах и темах, порожденных прошлым. Правда, мифы Георге выполняют различные функции. Символ «Незнакомка» – центр ретроспективной символистской парадигмы цикла «Год души». В мифе же о «Вечной Юности» кристаллизуется символистская картина мира, созданная в аполлоническом духе на границах эллинского мироощущения и «эстетического католицизма» как провозвестие нового подхода к творчеству и возможность обновления мира в духе идей Просвещения – «путь к свободе ведет через красоту».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маяцкий М. А.* Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет. – Москва, 2012.
2. *Платон.* Диалоги. – Москва, 2009.
3. *Braungart W.* Ästhetischer Katholizismus. Stefan Georges Rituale der Literatur. – Tübingen, 1997.
4. *George S.* Gesamt-Ausgabe der Werke: in 18 Bd. – Berlin, 1927—1934. – Bd. 6—7: Der Siebente Ring. – Berlin, 1931.
5. *George S.* Gesamt-Ausgabe der Werke: in 18 Bd. – Berlin, 1927—1934. – Bd. 17: Tage und Taten. – Berlin, 1933.
6. *Gundolf F.* Helden und Dichter. – Heidelberg, 1921.
7. *Leyen F.* Deutsche Dichtung in neuer Zeit. – Jena, 1873.
8. *Morwitz E.* Kommentar zu dem Werk Stefan George. – Düsseldorf, München, 1962.